

В основе романа –
реальные события!

Не такая, как все. Отвергнутая
миром. Чудовище...

Кэрол Бёрч – британская писательница, известный
литературный критик, автор одиннадцати популярных
романов, вошедших в список бестселлеров *New York Times*.

Обладательница престижных премий и наград, среди которых
*Orange Prize, Man Booker Prize, David Higham Award, Geoffrey
Faber Memorial Prize*, она попала в шорт-лист Букеровской
премии. Романы Бёрч – истории, которые цепляют за живое и не
оставляют безразличным самого требовательного читателя.

С самого рождения Джулия Пастрана отличалась от других детей.
Из-за редкого генетического заболевания все ее тело, кроме ладоней
и ступней, было покрыто густыми черными волосами. Девушке сложно
было найти свое место в жизни, и единственным выходом стал цирк,
в котором Джулия выступала в шоу уродов. Толпа ужасалась и одно-
временно восхищалась ею. Небольшого роста, с огромными носом
и ушами, неровными зубами, при этом прекрасно танцующая,
поющая и достаточно образованная, Джулия была для всех чудовищем
и не раз слышала в свой адрес обидные оскорбления и прозвища. Никто
не хотел видеть в ней человека, у которого есть душа, которому больно.
Выйдя замуж за антрепренера Тео Лента, Джулия верила, что тот
по-настоящему полюбил ее. Она и не предполагала, какой коварный
план разработал Лента и какая роль отведена ей на этом карнавале...

Необычно и красиво. Этот утраченный мир карнавалов и дымчатых
театров захватывает...

The Times

Факты короткой жизни Джулии Пастраны поданы в лучших традициях
«магического реализма».

The Times Literary Supplement

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4297-5

9 786171 242975

СИРОТКИ
◆
КАРНАВАЛА

◆
КЭРОЛ
БЁРЧ
◆

Жизнь в свете софитов сохранит любые тайны

СИРОТКИ ◆ КАРНАВАЛА

Сюда! Сюда!
Здесь прекрасный
роман!
The Guardian

Эта книга
полностью завладеет
вашими эмоциями.
Daily Mail

КЭРОЛ БЁРЧ

От номинанта на Букеровскую премию

СИРОТКИ
ҚАРНАВАЛА

Carol Birch

ORPHANS
OF THE
CARNIVAL

A novel

Кэрол Бёрч

СИРОТКИ КАРНАВАЛА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б52

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Art Direction: Rafaela Romaya
Image design and model-making
by Line Andersen / Andersen M Studio
Photography by Martin Masai Andersen

Публикуется по договоренности с Canongate Books Ltd, 14
High Street, Edinburgh EH1 1TE и The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Birch C. Orphans of the Carnival : A Novel / Carol Birch. —
Edinburgh : Canongate Books, 2016. — 380 p.

Перевод с английского Юлии Пономаренко

ISBN 978-617-12-4297-5
ISBN 978-1-78211-654-7 (англ.)

© Carol Birch, 2016
© Andersen M Studio, 2016
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2018

Посвящается Мартину

Часть первая

НОВЫЙ СВЕТ

Именно туда попадают твои потерянные игрушки: изжеванные собакой, выброшенные матерью без твоего разрешения, когда тебя не было дома, и просто те, что подевались неизвестно куда.

Остров говорит: приноси мне все потерянное, забытое, презируемое, приноси искалеченное и смешное, даже не более чем оторванный палец руки или ноги, и я впущу тебя. Огромная яркая игрушка, изящная маленькая куколка — для меня нет разницы. Я выпускаю всех. Не важно, кто ты и что с тобой случилось, не важно, в каком ты состоянии. Даже если тебя разбили вдребезги, здесь примут твои осколки.

На этом острове ничего нет. Ацтеки сделали его много-много дней назад, прежде чем пришли белые. Деревья, источник, несколько лачуг, старая деревянная пристань. Над красными цветами летают белые бабочки. Время от времени в вышине резко и раздражительно крикнет птица. Бесшумно течет ручей. Легионы кукол. Слово какими-то диковинными плодами, ими облеплены ветки густо растущих деревьев. Они висят, как флажки, на ржавой проволоке, протянутой между деревьями. Ими покрыты все стены, изнутри и снаружи, они заполнили все щели и закоулки. Самая старая из них здесь уже больше пятидесяти лет, самая молодая только что появилась. Они грязные и потрепанные и гордятся этим.

Посреди острова, в центре святилища, в самой середине старой заплесневелой хижины с вывеской «Музей» над дверью, под цветной фотографией уже почившего местного отшельника сидит в позе Будды черноволосая синеглазая кукла. Она увешана бусами и тонким серпантинном лент, ярких и выцветших, пол вокруг устлан странной смесью принесенных ей даров: драгоценности вперемешку с фотографиями святых, сладости и свечки, монеты и пальчиковые

куклы, маленькие фигурки и кубик Рубика, тролль, потертые карты с покемонами и большеглазый белый пони с розовыми волосами и накрашенными ресницами. Этой девчужке ничего не нужно. Кто бы она ни была, эта девочка утонула тут давным-давно, и никто не знает, кто она и откуда. Да это и неважно. Маленьких девочек любят, они тонут, а здесь все то, что невозможно исцелить, должно находить покой. Здесь должны быть куклы и святилища, и воспоминания, окруженные призраками лиц. Под дырявой крышей на стропилах болтаются куклы и их части. Они висят на всех покрытых отслаивающейся известкой стенах, от пола до потолка. Свитое пауками серое кружево паутины вуалью закрывает лица некоторых из них. Мальчик со стертым лицом, висящий на одной из стен, так обвит паутиной, что стал похож на какое-то серое привидение. Гудят мухи. Из свисающих серых лиан смотрят выцветшие, словно от катаракты, шелковые глаза. Пупсы, тряпичные куклы, соблазнительные красотки, принцессы-подростки, страшные куклы, демонические куклы, эльфы, куклы в национальных костюмах разных стран, одетые и голые куклы кружатся, подвешенные на стенах, как ангелы. С потолка свисает испачканный грязью пупс в голубом песочнике со сломанной шеей и наполовину оторванной головой. А вот проститутка мафии в шелковом платье с поредевшими спутанными кудрями. Ее крошечное личико повисло между стропилами, нижняя губа запала внутрь. Глаза закрыты, и на лице у нее древнее, неподдельное выражение новорожденного младенца.

В воздухе повис тяжелый запах старой плесени.

Снаружи легкий бриз едва заметно шевелит длинные листья и гибкие лианы ветвей. Весь остров можно было бы обойти за пару минут, но никто этого не делал. Всевозможные виды разрушения, распада отбивали охоту и остужали любопытство. Были здесь куклы с кожей, покрытой пятнами, оспинами, пузырями, обожженной до черноты, выцветшей добела, испещренной следами непогоды и времени в каком-то замысловатом, иногда геометрически правильном порядке. По куклам ползали полчища мух, образуя на испачканных жиром местах одежды черные пятна. В глазах лазили жучки. Покрытые сетью трещин, испачканные в грязи, с забитыми грязью ртами, они протягивали руки, ища объятий, их лица о чем-то молили, смотрели задумчиво или безмятежно. Большинство из них были пупсы.

Из безголового туловища торчал уродливый розовый узел. Девочка с испачканными грязью волосами и ногой от другой куклы склонилась в приветственной позе, по ее лицу ползали мухи. В зарослях лежала

старая лампа, из нее высовывалась чья-то голова с обведенными черными глазами. До подбородка свисала единственная прядь волос, а большие голубые глаза смотрели невинно и любопытно. Казалось, она хочет что-то сказать. Рядом с ветки свисала пухлая белая нога. Мешанина оторванных конечностей грудой лежала на корнях дерева. Клоун держал маленькую сумочку. Группа обнаженных кукол Барби со спутанными волосами оккупировала тонкое дерево, причем одна из них не забыла надеть темные очки — не лишенный смысла жест в данной обстановке.

Это были небесные похороны в очень замедленном темпе.

1854 год

Поезд трясло, и ее мозг трясло вместе с ним. Она мчалась навстречу будущему, и ей снилось, что она потерялась в большом белом доме, вечном и неизменном, с окнами, пыльными, как окна дилижанса, в котором она совершала первый этап своего путешествия — из Кульякана в Лос-Мочис, чтобы потом перебраться через горы и покинуть Мексику. Из окон были видны вершущки далеких гор и долгие мили поросшей жестким кустарником равнины, иногда мимо брел старый оборванный крестьянин. Временами она снова ложилась на полку и прислушивалась к звукам, будившим ее: детскому плачу, далекому гудку поезда, идущего в Новый Орлеан, отдаленному тонкому бляению.

Стремясь уединиться, она заплатила несколько лишних долларов за спальное место. Спальный вагон был темным и битком набитым, проход между полками — слишком узким, и люди, снующие туда-сюда, постоянно задевали загораживающую ее полку штору из мешковины. Мужчина напротив сопел, храпел и сморкался так близко, что это было почти неприлично, а стук, скрип, клацанье и покачивание вагона и запах угольной пыли не давали ей уснуть. Но, по крайней мере, у нее были чистые простыни. Она закуталась в них, свернулась калачиком, обняв своего старого Яци, и стала думать о большом городе — Нью-Йорке, Чикаго или Бостоне, обо всех этих боль-

ших городах, где ей предстояло побывать, и о людях, которых она встретит завтра в Новом Орлеане. Лысая деревянная голова Яци прижималась к ее подбородку.

Свист вызывал тоскливое чувство. До чего же бесконечно плоская эта местность! Долгие мили нескончаемо тянущейся зеленой равнины, редкие деревья, еще более редкие перекрестки. Эта равнина напоминала сон на грани кошмара. Никто здесь не жил. В мире, который она знала раньше, тоже встречались равнины, но эта была настолько огромной, что пугала ее даже больше, чем горы. Чувство страха не покидало ее всю дорогу от Кульякана. Первые пару дней она все думала, что сойдет на следующей станции и вернется домой. Ей казалось, ее разоблачат. На них нападут бандиты, их ограбят. Убьют. Две последующие недели, забираясь в зловонном вагоне все выше и выше в горы, родину ее матери, она не позволяла себе даже встать, чтобы размять ноги, пока все не заснут, и тогда на короткий миг выходила взглянуть на открывающуюся перед ней темную холодную ширь и морозные звезды над головой. Водитель и остальные пассажиры думали, что она — молодая девушка, едущая на встречу со своим опекуном и закрывшая лицо вуалью из-за обета, данного Святой Деве. Относясь с уважением к ее молчанию, они оставляли ее в покое, а на станциях были с ней добры и заботливы. Вверх, вниз, горы, лоцины, сводящая с ума скука, дремота, многократное вскакивание по ночам, и с каждой милей все усиливающееся чувство нереальности, теряющееся ощущение расстояния и огромный мир, разворачивающийся перед ней бесконечно длинным гигантским ковром.

Однажды утром они заехали в депо. Она уже проснулась и сидела у маленького окошка, полностью одетая, с закрытым вуалью лицом. Мимо прошел проводник с хлебом и кофе. Новый Орлеан всего в двух часах отсюда, сказал он. Кофе был отвратительный. Вуаль ей уже до смерти надоела. Дома ей не приходилось носить ее так долго. Там это было не нужно. Но Рейтс сказал — все эти новые люди, которых ей предстоит встретить, ее известность. Она будет выступать. Они будут собирать миллионы зрителей. И все будут платить деньги за билет. После Нового Орлеана будет Нью-Йорк. Пускай тарачатся. Ты покажешь им, покажешь, что ты умеешь, как ты горда, — выходи и покажись им. Не могу, думала она. *Боюсь. Боюсь.* Должна. Ты пределала уже такой долгий путь. Да кто

вообще такой этот Рейтс? *Мама, я потерялась.* Она хлебнула горькую жижу. Откуда она знает, может, он мошенник или сумасшедший. Он запомнился ей обходительным коренастым человечком, вежливым и убедительно говорящим, вот и все. В Новом Орлеане, говорил Рейтс, будет большой репетиционный зал, она будет репетировать, чтобы привыкнуть к большой сцене. А что, если он не придет? Одна в Новом Орлеане. Навсегда потерять дом.

Кондуктор попросил вернуться в вагоны. Тесное пространство заполнилось людьми. Она смотрела, как перед ней снова расстилается равнина, плоская, как и раньше, но на этот раз изрезанная водными массивами и акрами сахарного тростника, по которым, как початки черной кукурузы, были рассыпаны работающие люди. Длинный вагон был заполнен пассажирами, по проходу взад-вперед сновали мальчишки, продающие сладости и газеты, и жара была нестерпимой. Время от времени вдалеке виднелась кучка бедных хижин рабов и иногда — большой белый дом. Окна не открывались. Воздух был пропитан запахом пота. Из печи в конце поезда тянулась струйка дыма.

Она стояла на станции, опустив на землю багаж. Вокруг, как и на каждой станции, где они останавливались, сновали люди, только здесь их было больше и шум был громче. Она не видела мистера Рейтса, не знала, что ей делать, где его ждать. Люди вокруг кричали, тащили чемоданы, и она, чуть не плача, пыталась уйти с дороги. И тут перед ней возник он, коренастый невысокий мужчина, с которым она познакомилась на свадьбе Марты, с его тонкогубой улыбкой и маленькими светлыми глазками. На свадьбе он был одет как джентльмен, а сейчас на нем был клетчатый пиджак, в руках он держал палку с серебряным набалдашником.

— Моя дорогая мисс Джулия, — слащаво произнес он.

— Мистер Рейтс, — сказала она, — я как раз думала, что мне делать, если вы не придете.

— Конечно же, я пришел.

К мистеру Рейтсу подошел тощий рябой мальчишка с сильно вздернутым кверху носом. Он поглядел на ее закрытое вуалью лицо и отвернулся.

— И, как видно, вовремя, — сказал мистер Рейтс. — Это весь ваш багаж?

Она посмотрела вниз. Багаж тут же показался ей до смешного крошечным.

— Да, весь, — ответила она.

— Отлично. Майкл!

Мальчик подхватил ее сумку, гитару и умчался, ловко скользя между прохожими. Мистер Рейтс подставил Джулии локоть, и они пошли за ним.

— Вы, должно быть, устали, — сказал он. — Ужасная дорога, ужасная, я испытал это на себе. Но все прошло хорошо, не так ли?

— Да.

— Прекрасно.

Снаружи, склонив длинные гнедые шеи, стояли их лошади. Экипаж источал запах навоза и лимонов. Несмотря на все книги, какие только можно было найти в доме дона Педро, она не была готова к ошеломляющему впечатлению, который произвел на нее Новый Орлеан.

— Он слишком большой! — сказала она, нервно смеясь. — Тянется бесконечно.

Это был город длинных улиц и высоких террас, больших домов с садами, испанских двориков, напоминавших ей Кулькан, и всюду множество людей, которые бегут куда-то или неспешно прогуливаются, встречаются и прощаются — их было больше, чем она видела за всю свою жизнь. Послышалась музыка — высокие свистящие звуки уличной шарманки. Желая посмотреть на нее, она слегка приподняла вуаль и заметила, как напряглось лицо мистера Рейтса. Но она держала вуаль косо, словно выглядывая из глубокого туннеля. Так никто не мог видеть ее лица.

— Осторожно, — тихо произнес Рейтс у самого ее уха.

Она никогда не чувствовала себя настолько заживо похороненной и одновременно такой живой и, кивнув, опустила вуаль.

— Я боюсь встречаться со всеми этими незнакомыми людьми, — скороговоркой сказала она.

Рейтс откинулся на спинку.

— Ну конечно. Это естественно. Но тут бояться нечего, — ответил он, улыбаясь, а затем своим громким, хорошо поставленным сценическим голосом произнес: — Вы родились для сцены!

— Меня уже тошнит от этой вуали!

— Осталось недолго. Скоро вы ее снимете, — сказал он, хлопывая ее по руке в перчатке и наклонившись так близко,

что она чувствовала слабый запах его дыхания. — Вы не робкая, Джулия. Это сразу же бросилось мне в глаза. Как спокойно вы смотрели на мир с этим важным выражением лица, которое вам несвойственно! Вы же понимаете, что я имею в виду, почему я говорю это — я-то знаю, когда вы бываете естественной. Нет-нет, у меня нет никаких сомнений — вас ждет успех!

Экипаж обогнул толпу, занявшую часть дороги.

— Расскажи ей о театре Святого Чарльза, Майки, — сказал он.

— Он огромный, — нехотя ответил Майкл, со скучающим видом наблюдавший, как двуколка перекрыла дорогу лошади, тянувшей телегу по другую сторону улицы. Возничий телеги кричал с незнакомым ей акцентом.

— Подождите, вы еще увидите Нью-Йорк, — сказал Рейтс.

— Не могу поверить, что я его увижу.

— О, увидите, — заверил он. — Это уж непременно.

— Я бы тоже хотел в Нью-Йорк, — ворчливо сказал Майкл.

— Он не такой красивый, как Новый Орлеан, — заметил Рейтс, и мальчишка грубовато хмыкнул, давая понять, что красота Нового Орлеана несколько преувеличена. — Он словно старая шляха. Тонны грима, а под ним — грязь.

Золовка мистера Рейтса держала меблированные комнаты в одном из *предместий*, застроенном небольшими коттеджами с зашторенными окнами, низкими балконами, нависающими крышами. И повсюду — на затененных кованых балконах, лестницах, крылечках — были люди, множество людей: испанцы, черные, белые, всех цветов кожи. Они остановились у высокого забора, недалеко от перекрестка двух людных улиц, где женщины с серьезными лицами склонились над корзинами с фруктами, выставленными у лавки странного вида. Высокая женщина средних лет в темно-синем платье так быстро распахнула ворота, словно только и ждала их приезда, и тут же заглянула в экипаж, не дожидаясь, пока они выйдут.

— Ну, вот и новая девочка, — сказала она и захихикала, как девчонка. Ее лицо с живыми глазами и недавно появившимися морщинами было сильно напудрено, и от него в душном экипаже сразу запахло цветами. — Не терпится увидеть, что тут у тебя такое, — весело сказала она.

— Джулия, это мадам Сулье, — сказал Рейтс. — Моя золовка.

— Ужасное, должно быть, путешествие.

Мадам Сулье отступила в сторону, чтобы возникший мог открыть дверцу. Рейтс тяжело спустился и подал руку Джулии.

— Оно было таким долгим, — запыхавшись, ответила она, выходя.

— Ну еще бы, черт возьми!

Мадам Сулье пнула жилистого серого пса, который копался в валявшемся под забором мусоре, и, прикрикнув на него, разрилась было потоком французских фраз в его адрес, но мгновенно надела на себя хорошо отрепетированную улыбку.

— Сюда, пожалуйста, — сказала она. — До чего же миниатюрная ты штучка!

Они прошли за ней через двор к дому, шествие замыкал Майкл с чемоданами. По краям дорожки цвели розовые азалии. С обеих сторон дома низко опускалась кровельная крыша, на дорожку падала тень гранатового дерева. Откуда-то из дома доносилось небрежное треньканье пианино.

Мадам Сулье игриво прыгнула на ступеньку, что несколько не соответствовало ее массивной фигуре, и крикнула:

— Шарлотта!

Подав руку Джулии, она ввела ее в широкую комнату с желтыми стенами, галереей вверху и двумя дверьми справа и слева. Комната, украшенная выцветшим орнаментом из листьев, производила впечатление поблекшей курительной.

— Шарлотта! — снова позвала мадам Сулье. — Где ты? А-а, вот ты где.

К ней неслышно подошла костлявая мулатка примерно двенадцати лет.

— Шарлотта, покажи мисс Джулии дом, — сказала мадам Сулье, коснувшись одной из пяти или шести очень длинных нитей жемчуга, которые постоянно теребила. — Дорогая, ты голодна?

— Совсем нет, — сказала Джулия. — Только очень хочу пить.

— Отдохни немного, — добродушно сказал мистер Рейтс, усаживаясь на диван с таким утомленным видом, будто он сам проделал весь этот путь. Его живот, прикрытый белой поношенной рубашкой, торчал, как гора. — Девушка принесет тебе горячий шоколад. До встречи с остальными еще куча времени.

Шаркая ногами, вошел Майкл, опустил сумку и гитару Джулии посередине комнаты на пол и, тяжело дыша, замер над ними.

— Ну нет, не ставь их тут, — сказала мадам Сулье. — Отнеси туда.

Она хлопнула в ладони. Майкл взял багаж, Шарлотта подхватила гитару, и мадам Сулье, прихлопывая в испанском ритме, жестом пригласила Джулию следовать за ними.

— Мы все здесь — одна большая счастливая семья! — крикнула она им в спину.

Они оказались на большом заднем дворе, куда выходили окна трех двухкомнатных домиков. Шторы на окнах были опущены. У кирпичной стены кухни стояли стол и скамьи, а под ними подюжины кур клевали что-то в траве, пробившейся между камнями брусчатки. На суку старой яблони висели качели. Она чувствовала, что на нее глядят двое, один человек из дверного проема и кто-то еще сквозь крошечное крестообразное окошко, но была слишком напугана, чтобы посмотреть на них. Из кухни внезапно выбежал и остановился на полпути через двор маленький сутулый гоблин абсолютно невозможного вида. Она вскрикнула.

— Это просто Като, — сказал Майкл.

Всю его голову занимало лицо, а остальной части головы почти не было. Голова была темно-коричневой, лысой, преувеличенно яйцевидной формы и сужающейся книзу, словно перевернутый колпак.

Сжав ее руку своими маленькими пальчиками, он быстро говорил что-то высоким, надтреснутым и гнусавым голосом, так что она не могла разобрать ни одного слова.

— Такой маленький, — сказала она.

Он держал ее руку горячими скрюченными пальцами и жадно придвинулся к ней с огромной, на все лицо, улыбкой. На пороге кухни появилась тучная женщина в ярко-голубой юбке и белой блузе; она держала в руке деревянную ложку, от которой поднимался пар.

— Ну-ну, Като, — терпеливо сказала она. — Вернись сюда.

— Он любит людей, — сказал Майкл, оглядываясь через плечо. — Никогда раньше не видела уродов?

— Нет.

Джулия смотрела в блестящие глаза, окруженные морщинами, с необъяснимым желанием снять вуаль.

— Он просто большой ребенок, — пояснил Майкл.

— Като! — позвала кухарка.

Возбужденно замурлыкав, Като побежал обратно в кухню. У него были обрезанные до колен бриджи и тонкие, словно палочки, ноги с непомерно большими ступнями. Он задрал голову высоко вверх и улыбнулся кухарке так, что казалось, его лицо сейчас расколется на две половины.

— Ну, вот мы и пришли.

Майкл втащил ее багаж в открытую дверь. Худенькая Шарлотта со впалыми щеками помахала ей, приглашая войти, и глядела на вуаль так, словно пыталась увидеть сквозь нее.

— Спасибо, — сказала Джулия.

Разве тебе не хочется просто узнать, что за всем этим кроется? Она огляделась. Комната была простая, но удобная. Ее даже попытались украсить голубыми цветами в вазе и чистой желтой скатертью. На боковом столике — неоконченный пасьянс. Две аккуратно заправленные узкие кровати, наполовину отдернутая розовая штора. Майкл поставил ее багаж на пол. Шарлотта отодвинула тяжелую льняную ткань второй половины шторы.

— Ты будешь здесь, — сказала она. — Спи тут и вещи клади тут. Хочешь шоколада?

— Немного, — сказала Джулия.

— Смотри, — сказала девушка, — тут окно.

Оно было открыто, но затянуто сеткой, другая сетка закрывала кровать. Вуаль на вуали.

— Я принесу тебе шоколада, — сказала Шарлотта, откровенно разглядывая ее. — Думаю, тебе понадобится и горячая вода.

Мальчик совсем на нее не смотрел.

Когда они вышли, она сорвала вуаль и бросила ее на кровать. Ее охватил ужас. Три недели — и она будет выступать на настоящей сцене в театре. Что она наделала? Приподняв сетку, она легла на узкую кровать, закрыла лицо руками и тихо застонала. Я должна вернуться в горы, думала она. Когда она была маленькой, ей казалось, что в горах полным-полно людей, а где-то наверху есть места, где у всех женщин кожа покрыта волосами и много зубов. И вот вышло так, что она просто снялась с места и отправилась в путь той же дорогой, которой, она ясно помнила, когда-то ушла ее мать. Дорога эта была сначала пологой, но вдали, там, где все становилось голубовато-распльвчатым, круто уходила вверх.

Где же девушка с шоколадом и горячей водой? Она спрыгнула с кровати и выглянула в окно, прислушиваясь к шуму

улицы, приглушенному гулу, свисту, грохоту и крикам. Где-то, неизвестно, далеко или близко, но, должно быть, не очень далеко, так звучали большие пароходы на Миссисипи — она видела из поезда, как на верхней палубе стояли люди с зонтиками и в шляпах от солнца. Я — женщина, приехавшая на поезде в большой город, сказала она себе. Я поеду в Нью-Йорк. Я могу поехать куда угодно.

Где-то на задней улице заплакал ребенок.

Она познакомилась с Рейтсом на свадьбе. Ее вызвали из кухни и попросили спеть и сыграть на гитаре. Все двери и окна, выходящие в патио, были открыты. Все были здесь, вся эта яркая, блестящая толпа: мальчики, молодые мужчины и их жены, донна Инес с ее крепко сжатыми губами — она всегда так делала, когда хотела выглядеть трезвой, — все эти молодые жеребцы и девушки в цветах и оборках, и все эти дети, часть которых никогда ее прежде не видела. Для них это было особым развлечением. Но все это пустяки, она привыкла. На нее всегда таращились, с самого рождения. И вот она стоит перед ними в своем красном платье, с красным цветком в волосах, стоит перед кучей бумажных цветов и ударяет по струнам гитары — той самой, на которой она училась играть, исцарапанной красной гитары. Она спела «Ла Йорону» и «Чаппариту», затем отложила гитару, взяла гармонику и сыграла для донны Инес «Нанита Нана»; все пели хором. А когда она закончила петь, дон Педро вышел вперед, поцеловал ей руку и, повернувшись к толпе и держа ее за руку, объявил: «Мои дорогие друзья, сеньорита Хулия Пастрана!» — и все хлопали, кричали, а некоторые дарили ей сладости и маленькие подарки. Слушайте ее! Такой *голос*, несмотря на такое *лицо*! Одна леди подарила ей ожерелье из голубых камешков. «Я считаю, что ты просто чудо», — сказала леди. Мамаши подносили к ней младенцев, чтобы те посмотрели на нее, а она без конца улыбалась всем им. Один малыш испугался и заплакал, и сестра унесла его, ворча: «О, Энцо, как ты раскапризничался. Сеньорита Пастрана подумает, что ты грубиян».

— *Вовсе нет*, — сказала Джулия, но девушка ее уже не слышала. Бедный малыш, подумала она, может, он вскинется и проснется с плачем посреди ночи, увидев меня во сне?

— Кто учил ее петь? — слышался вопрос.

Будет ли он стараться выбросить мое лицо из памяти, забыть меня навсегда, как будто никогда меня не встречал? Будет из-за

меня просыпаться по ночам в холодном поту даже тогда, когда станет взрослым и будет сам иметь детей?

— Я, — сказала Марта, которая уже сменила свадебное платье на бело-зеленое с несколькими слоями накрахмаленных нежно-лиловых нижних юбок.

Но не она учила Джулию петь. Джулия всегда пела. Она пела, когда ребенком бегала вокруг Дворца, пела, работая, пела, подшивая подол. Но она никогда не пела на людях, пока ее не позовут, а в те дни ее нечасто звали — только в тех случаях, когда к дону Педро приезжали какие-нибудь важные гости с манжетами на шелковой подкладке. И если, услышав о ней, эти важные господа или жены этих важных господ хотели ее увидеть, она выходила к ним в красном платье с красным цветком в волосах, а они сидели в ожидании с бренди и сигарами. Так придумал дон Педро, но ей это нравилось. Красный цветок в черных волосах. Или фиолетовая бугенвиллея из тех, что оплетают балконы мальчиков дона Педро. «Ху-ли-я! Хулия!» — ее зовут выйти в патио. Хулия! Хулия! Они хотят, чтобы она развлекала их.

И вот перед ней возник Рейтс, круглолицый мужчина средних лет с пухлым, как у ребенка, подбородком. Его сопровождал впечатлительный мальчик — она запомнила его, он поддался ее чарам и беспокойно смотрел на нее все время, пока она пела.

— Сеньорита Хулия, — сказал мальчик, — вы еще не танцевали.

Она была утомлена и не в лучшей форме. Сегодня она поднялась задолго до рассвета вместе с остальными слугами. Это был ужасный день. Она расплакалась из-за голубого платья. Нужно было быть осторожнее и плакать втихомолку, чтобы никто не видел, и строго следить, чтобы слезинки одна за другой стекали ей в волосы за ушами. Это было удобно.

— Не сегодня, — ответила она.

— Я однажды видел, как вы танцевали.

Она вежливо улыбнулась.

— Я хотел бы, чтобы вы станцевали еще, — сказал он, упрямо не сводя с нее глаз.

— Станцевать вам сейчас?

Она улыбнулась, подхватила юбки и, несколько раз покрутившись вперед и назад, влево и вправо, притопнула и встала, подбоченившись. Послышались возгласы одобрения. Мужчина среднего возраста заплodировал.

— У вас талант, — сказал он с легким поклоном. Янки, судя по акценту.

— Благодарю вас, сеньор.

— Я же говорил вам, — важно сказал мальчик. — Она изумительна. Она говорит по-английски, дядя. И вы обязательно должны посмотреть, как она танцует. Как она тянет носок.

— Действительно, — сказал мужчина, глядя ей в глаза. И продолжил по-английски: — Мисс Пастрана, вам в самом деле нужно выступать на сцене.

Джулия улыбалась, глядя вниз.

— Она превзошла все ожидания, — живо подхватил дон Педро, подойдя и обняв ее за плечи. — Я сам учил ее читать. Она и по-французски скажет, если нужно. Правда, Хулия?

— *Mais bien sûr, Monsieur*, — ответила Джулия, рассмеявшись.

— Мисс Пастрана, — сказал мужчина, когда музыканты снова заиграли и одна из невесток дона Педро потащила его на танцевальную площадку, — были ли вы когда-нибудь в Новом Орлеане?

— Я нигде не была, сеньор.

И он произнес по-английски:

— Если вы решите сделать карьеру, приезжайте в Новый Орлеан и найдите меня там. Вот моя карточка, сеньорита.

И, снова поклонившись, он подал ей свою визитную карточку.

— Мой дядя занимается организацией концертов в Новом Орлеане, — важно произнес молодой человек.

На карточке стояло имя Мэтью Рейтс.

— Новый Орлеан, — повторил он. — Нью-Йорк.

Наружная дверь распахнулась, и вошла Шарлотта с горячим шоколадом.

— Шарлотта, — позвала она. — Я сняла вуаль. Ты можешь принести шоколад сюда или, если хочешь, оставь там, на столе. Я возьму его, когда ты выйдешь.

Джулия принялась распаковывать вещи и складывать их в маленький шкафчик у окна. Через секунду голос произнес:

— Мисс Джулия, тут еще орешки, — и, обернувшись, она увидела Шарлотту, стоящую у отдернутой шторы с подносом, на котором стояла большая чашка шоколада и блюдо с орехами.

Несколько долгих мгновений она без всякого выражения смотрела Джулии в глаза, потом поставила поднос.

— Мистер Рейтс сказал, что зайдет за вами, когда вы отдохнете, — сказала она.

— Спасибо, Шарлотта.

И она ушла. Чтобы рассказать. Она, конечно, привыкла к странностям, но все же. Шоколад был густым и удивительно вкусным, и Джулия пила его у окна, заедая орешками, и, глядя на оплетенную каким-то вьющимся растением заднюю стену двора, вспоминала Като. Он не знает, что он уродец, думала она. Он просто живет в своем мире, как и я. Но по-другому, потому что он об этом не задумывается.

А я задумываюсь.

Кого-то она еще встретит. Она будет не похожа на всех их, таких разных. Странное чувство.

Позже появились мистер Рейтс и мадам Сулье.

— Наконец-то! — воскликнула она, подходя к Джулии и жадно вглядываясь в ее лицо. — Я тебя вижу! О боже, ты и вправду самая странная девушка из всех, кого я видала. — Ее глаза округлились. — А я многих видела, поверь мне. — Она протянула руку и провела по волосам на щеке Джулии пальцем. — А ты интересная.

— Так мне и говорили, — сказала Джулия. Она не была уродом из уродов, но, похоже, в чем-то превзошла судьбу.

— Ты не преувеличивал, Мэтт, — заметила мадам Сулье.

— А ты как думала? — ухмыльнулся мистер Рейтс. — Когда я преувеличивал? В Нью-Йорке она всех поразит.

— О, какие мягкие и приятные!

Рука мадам Сулье была мягкой и нежной. Она отступила назад.

— Ты настолько похожа на обезьяну, что просто не верится, — сказала она. — Ты не *выглядишь* как человек. И все же ты человек. И ты так хорошо говоришь.

— Я не могу быть обезьяной — они не разговаривают, — улыбнувшись, сказала Джулия по-французски. — Но я знаю, как выгляжу.

— Совершенно верно! — рассмеялась мадам Сулье. — Обезьяны не говорят!

— А я говорю, — сказала Джулия. — Я знаю французский, английский и испанский. Обезьяна такого не может.

Мадам Сулье в восхищении уставилась на нее.

— Мистер Рейтс, — спросила Джулия, — кто живет со мной в комнате?

— Миртл и Делия, — ответила мадам Сулье. — Вы поладите.

— Конечно, — подтвердил Рейтс. — Пойдем, познакомимся с ними.

Они были в соседнем домике, в котором жалюзи открывались во двор и который служил общей гостиной. Комната была заставлена потрепанными креслами, в ней стоял сильный цитрусовый запах. Рейтс под руку ввел ее в открытую дверь. Их уже предупредили о ней, и они знали, чего ожидать. Тут были Белый Негр, Резиновый Человек, Безрукая Девушка и Безногая Девушка. На стуле у пианино, почесывая изрытое оспой лицо, сидел Майкл. Увидев ее впервые, он медленно улыбнулся.

— Джонси, — сказал мистер Рейтс, показывая на желтоволосого Негра в белом гриме и карминовом костюме, который подходил к его розовым глазам.

Негр ошеломленно уставился на нее.

— А это... — продолжил Рейтс, указывая на девушку с массивной челюстью, в ситцевом платье, чье тело, казалось, заканчивалось на талии и вырастало прямо из расшитого розами ковра, — это Делия.

Делия приподняла уголок рта и одну бровь.

— И Миртл.

Пухлая блондинка в оранжевом кимоно и красной шали, откинувшись на спинку огромного неудобного зеленого кресла, потягивала что-то из оловянной чашки.

— Рада познакомиться, — сказала она.

— А это Тед.

Тед сидел за маленьким картонным столиком и проворно вязал черный носок. Резиновый Человек, подумала она, но выглядел он как вполне обычный мужчина.

— А это, — торжественно произнес Рейтс, — Джулия.

Она улыбнулась. Ей было страшно.

— Сядь рядом со мной, Джулия, — сказала Миртл. — Хочешь выпить?

Она махнула рукой в сторону открытой бутылки бренди.

Стул был шершавым, и душно пахло духами. Миртл протянула ей оловянную чашку, на дне которой был бренди. Напиток согрел и немного ударил в голову. Ну что ж, так тому и быть. Возврата нет.

А потом, хотя она еще помнила, как рассказывала Миртл о своем долгом путешествии и как вдруг осознала, что рука,

подносившая бренди к накрашенным губам Миртл, была на самом деле очень гибкой ногой с длинными пальцами, грациозно высывывавшейся из-под оборок юбки, она почувствовала такую усталость, что все стало смутным, как во сне, и она сказала, что ей уже в самом деле пора в постель, иначе она уснет прямо на стуле.

В кровати у нее слегка кружилась голова от выпитого бренди, а в голове всплывали воспоминания о доме и старой Солане. И слабый тонкий голос, которым она звала ее. Прикованная теперь к постели, сварливая и раздражительная, она отдала все силы, нянча всех этих молодых людей, мальчиков, Марту — и Джулию тоже, когда ее взяли из сиротского дома. Это Джулия целыми днями сновала туда-сюда, ухаживая за ней, и слюни, мокрота, запах мочи, кормление, купание и уборка были ее заботой. В ночь после свадьбы она, убирая судно, показала Солане карточку.

— Смотри. Этот человек считает, что я могу заработать на сцене кучу денег.

— Не смей меня! — Солана едва оправилась от приступа кашля. Глаза у нее слезились, из носа капало. Лицо было похоже на картинку с изображением мозга в книге из кабинета дона Педро.

— Почему это так уж смешно?

Солана издавала резкие, жесткие хрипы.

— Что это вообще за человек?

— Не знаю. Просто человек. Садись, — сказала Джулия, вытирая старухе нос.

Солана подозрительно покосилась на нее:

— Что с тобой? Тебя кто-то огорчил?

— Нет.

— Не знаю, почему ты все еще позволяешь себе огорчаться, — сказала она раздраженно. — Сколько раз я говорила: Бог любит тебя, вот и все, что ты должна помнить.

— Я знаю.

— Точно *знаешь*? — Кашель. — Ты *уверена*? Мне так не кажется.

— Пойду принесу тебе бульон, — сказала Джулия.

И потом, несмотря на усталость, болью отзывавшуюся в костях, она не могла уснуть. *У вас талант*. Она поднялась с постели, спустилась в нижний дворик, выпила воды из фонтан-

чика и села на ступеньки, прислонившись головой к пыльной розовой стене. *Правда. Вам нужно выступать на сцене. У нее болели ноги, и непонятно почему хотелось плакать. Они все еще оставались в гостиной, но теперь там было тихо. Да, мне очень повезло. Я знаю.*

— А ты, Хулия... — Голос Соланы, когда она была еще молодой. — *Ты молодец! Какой красивый дом! Ты ведь жила в пещере, а теперь посмотри на себя! Ты научилась читать! День, когда он тебя нашел, был счастливым днем.*

Солана была родом из Сакатекаса, и у нее было двое сыновей: одного убили солдаты Сантианны, а другой ушел с ними в Техас и уже не вернулся. Умер при Аламо, иначе вернулся бы, Бог свидетель, вернулся бы. Сантианна был сущим толстым дьяволом, говорила Солана. Хороший человек дон Педро, добрый человек, великий человек, он взял меня к себе и с первого дня был ко мне добр. Пока Джулия скребла сковородки и мыла раковину, Солана рассказала ей, как это было.

— Он взял тебя вместе с твоим проклятием и не дал никому из нас и слова сказать против этого. Забрал тебя из приюта. И все, что я знаю о твоей матери, — она ходила гулять в темноте, при свете луны, и это не твоя вина, и больше тут нечего сказать.

— Почему?

— Одному Богу известно.

— Где-то могут быть еще такие, как я.

— Не там, откуда ты появилась. Они бы не выгнали тебя, если бы ты была такой, как они. Ты из дигтеров, что живут там, наверху, — говорила она, поднимая палец к небесам. — Ужасно тяжело там живет, они там бедные, как крысы, но они не похожи на тебя. Таких больше нет. Ты единственная, любовь моя. Твоя мама не была такой, и никто не был. И это не значит, что ты хуже других. Ты такая, какая есть. У тебя все же есть душа. А теперь помой-ка эту редиску.

Во дворе было тенисто. Старая игуана Федерико — коварная бестия, жившая в семье с незапамятных времен, — сидела на ветке винограда и смотрела на нее. Все прошло так красиво — отъезжающие *carretelas*, сопровождающий невесту *padrino*, белые гривы лошадей с вплетенными в них красными лентами. И все эти прекрасные платья — оранжевые, розовые и голубое, из-за которого кричала Марта. Она могла бы отдать его мне,

подумала Джулия. У нее их так много, что ей стоило отдать одно. Я бы его ушила, и оно подошло бы мне. Она встала, представив себя в голубом, и, пока взбиралась на галерею, в ее голове звучали слова Рейтса: «Если вы решите сделать карьеру, приезжайте в Новый Орлеан и найдите меня там». Она поклонилась, представляя себе, что стоит на сцене театра. Толпа приветствует ее и бросает ей розы. Мужчины подбрасывают в воздух шляпы. Какие прекрасные крошечные ножки, говорят они.

Yo soy como el chile verde, Llorona,
picante pero sabraso

Но нет. Ни один из них ее не полюбит. Солана ясно дала ей это понять.

— Я буду с тобой честной, — сказала она как-то раз, очень давно. — Ты можешь быть не хуже других, ты можешь гордиться собой, ты достойна уважения, но есть одна вещь, которой тебе не получить, *нена*, и это мужчина. Не с таким лицом, как у тебя. Не жди этого.

— Я знаю.

Разве она не знала этого всегда?

— Мир жесток, и в нем нет справедливости.

Джулии было тогда девять или десять, а Солана уже была очень старой. Она обхватывала лицо Джулии ладонями, пристально смотрела ей в глаза и говорила:

— Слушай, ты... Это не твоя вина. Ты ни в чем не виновата. У тебя не будет мужчины, но это неважно. Что такое мужчина? Да и женщина тоже. Ничего. Все это проходит. Бог любит тебя, Солана любит тебя, и твоя мать тебя любила — вот и все, что имеет значение. Она отдала тебя *vaqueros*, потому что хотела для тебя лучшей жизни.

Она помнила этих *vaqueros* — огромных мужчин с широкими лицами, почерневшими на солнце, они сидели на гнедых лошадях с нежными грустными глазами. Перед собой они вели трех коров с черными пятнами и скрученными рогами. Она никогда раньше не видела лошадей, скот и мужчин. Они посадили ее, закутанную, словно сверток, на лошадь, крепко привязали к пончо толстого *vaquero*, и ее мать пошла прочь. Она умела говорить «мама», когда попала в приют, — она знала это, потому что они так ей рассказывали. Мама была в высоких

Послесловие

Джулия жила между 1834 и 1860 годами. Главы этой книги, описывающие ее жизнь, выдуманы, но основные факты верны. Она путешествовала, выступала, вышла замуж, родила ребенка, умерла и после смерти вместе с ребенком выставялась как экспонат.

Тео Лент (не путать с Льюисом Б. Лентом) сошел с ума и умер в Санкт-Петербурге.

Мари Бартель пережила своего мужа и снова вышла замуж.

Мумии были найдены на складе в Норвегии в 1976 году. Судьба останков ребенка неизвестна. Тело Джулии много лет хранилось на анатомическом факультете Университета Осло. После кампании, организованной художницей Лорой Андерсон Барботой и правителем штата Синалоя Марио Лопесом, оно было репатрировано в Мексику. В феврале 2013 года состоялась католическая церемония, которую посетили тысячи людей, и Джулия Пастрана наконец была похоронена на кладбище Синалоя де Лейва.

Благодарности

Спасибо Мелиссе Данашко, Октавии Риве, Джо Дингли и особенно — Франсис Бикмор, чуткому, проникательно-му и неутомимому редактору этой книги.

Літературно-художнє видання

Сирітки карнавалу

(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 08.11.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Palatino Linotype». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдявна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Сиротки карнавала

Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 08.11.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Palatino Linotype». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Из самого народження Джулія Пастрана відрізнялася від інших дітей. Через рідкісне генетичне захворювання все її тіло, крім долонь і стоп, покрите густим чорним волоссям. Дівчині було складно знайти своє місце в житті, і єдиним виходом став цирк, у якому Джулія виступала в шоу вродків. Натовп жахався й одночасно захоплювався нею. Невеликого зросту, із величезними носом і вухами, нерівними зубами, при цьому чудово танцює, співає і досить освічена, Джулія була для всіх чудовиськом і не раз чула на свою адресу образливі слова і прізвиська. Ніхто не хотів бачити в ній людину, в якій є душа, якій боляче. Вийшовши заміж за антрепренера Тео Лента, Джулія вірила, що той по-справжньому полюбить її. Вона навіть не уявляла, який підступний план розробив Лента і яка роль відведена їй на цьому карнавалі...

Бёрч К.

Б52 Сиротки карнавала / Кэрол Бёрч ; пер. с англ. Ю. Пономаренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 336 с.

ISBN 978-617-12-4297-5

ISBN 978-1-78211-654-7 (англ.)

С самого рождения Джулия Пастрана отличалась от других детей. Из-за редкого генетического заболевания все ее тело, кроме ладоней и ступней, покрыто густыми черными волосами. Девушке сложно было найти свое место в жизни, и единственным выходом стал цирк, в котором Джулия выступала в шоу уродов. Толпа ужасалась и одновременно восхищалась ею. Небольшого роста, с огромными носом и ушами, неровными зубами, при этом прекрасно танцующая, поющая и достаточно образованная, Джулия была для всех чудовищем и не раз слышала в свой адрес обидные оскорбления и прозвища. Никто не хотел видеть в ней человека, у которого есть душа, которому больно. Выйдя замуж за антрепренера Тео Лента, Джулия верила, что тот по-настоящему полюбит ее. Она и не предполагала, какой коварный план разработал Лента и какая роль отведена ей на этом карнавале...